

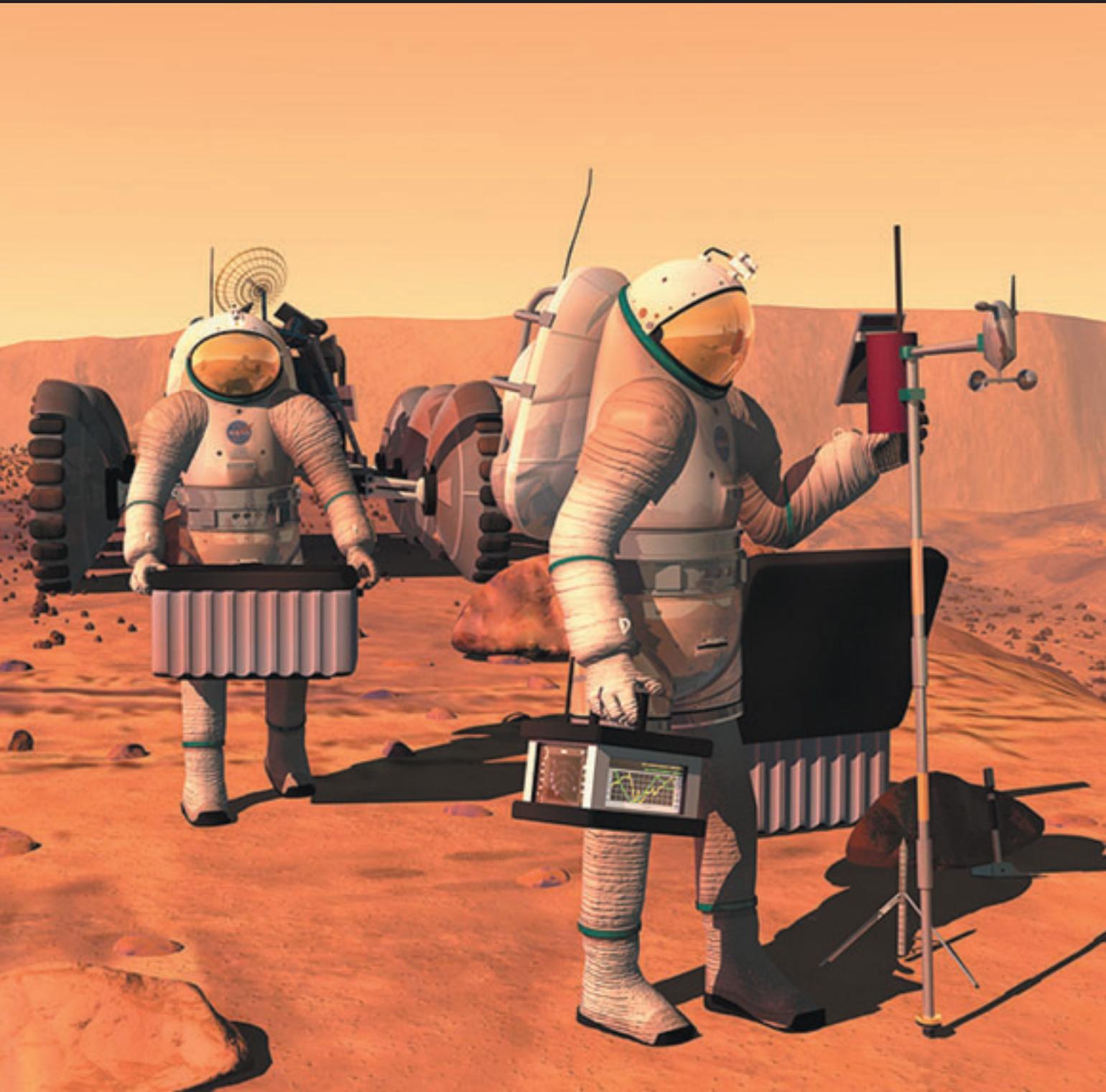
18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002 >

РОМАН №14 ГАЗЕТА

Александр Ольшанский / Инопланетяне

ОЛЬШАНСКИЙ Александр Андреевич

Родился в 1940 году в городе Изюме Харьковской области. Принадлежит к поколению писателей, которые вошли в русскую литературу в семидесятые годы прошлого века и которых литературная критика называла сорокалетними.

Возглавлял редакцию по работе с молодыми авторами издательства «Молодая гвардия», был заместителем главного редактора Главной редакции художественной литературы Госкомиздата СССР, был рабочим секретарем Московской писательской организации и редактором газеты «Московский литератор», членом правления Всесоюзного агентства по авторским правам и начальником Управления по экспорту и импорту прав на произведения художественной литературы и искусства. После развала СССР несколько лет работал дальнбойщиком.

Автор сборников рассказов и повестей «Сто пятый километр», «Китовый ус», «Родник на Юго-западе», «Любовь в Чугуеве», «Тепло тау Кита», дилогии «RRR» (романы «Стадия серых карликов» и «Евангелие от Ивана»), книги воспоминаний и размышлений о XX веке «Все люди — братья?!» и многих других произведений. Живет в Москве.

ДЕЛА
ЛИТЕРАТУРНЫЕ

Молодым везде у нас дорога

К итогам Четвёртого Всероссийского совещания молодых литераторов Союза писателей России в Химках

В этом году Химки стали крупнейшим молодёжным литературным форумом России. В нём приняли участие более 300 молодых поэтов, прозаиков, критиков, организаторов литературного процесса из 57 регионов страны.

В рамках Совещания был проведён комплекс программ: для авторов моложе 22 лет; для авторов моложе 35; для литературных критиков; специальная программа для организаторов литературного процесса. Молодые авторы смогли обменяться опытом, получить профессиональные навыки в сфере организации литературы — ведения литературных объединений, проведения фестивалей, оформления грантовых заявок, продвижения своих произведений в Интернете.

На совещании обсуждались рукописи и книги участников, читались лекции по художественному мастерству, проводились круглые столы по современной литературе, поэтические и музыкальные кон-

Окончание см. на 3 стр. обложки.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная
коллегия:
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный
редактор
Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»

принадлежат
ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2021
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2021 № 14 /1883/ Основана в 1927 г.

Александр Ольшанский

Инопланетяне

Роман

Мы все инопланетяне.

Истина

В первый день школы, когда схлынули толпы пап и мам, которые привели своих чад на учебу с букетами цветов, когда учителя охапками унесли букеты куда-то и наступил самый первый урок, Руслан увидел перед собой две русые косички. В косички были вплетены два огромных белых банта, каждый не меньше с голову девочки. Не слушал, как учительница Марта Захаровна, которая занималась с ним, готовя в первый класс, говорила его родителям, что ему в первом классе делать нечего, уровень подготовки Руслана соответствует программе минимум третьего класса, но для того, чтобы его перевели в третий или даже четвертый класс, придется какое-то время поучиться в первом.

Огромные банты не давали ему покоя. Если бы он был хулиганом, то, не раздумывая, дернул бы за косички, обратил на себя внимание, но Руслан не дрался ни с кем в детском саду, не обижал девочек. Ему оставалось лишь ждать, когда какой-то хулиган дернет эту девчонку за косу или попытается развязать бант, вот тогда уж он покажет ему... Но никто не дергал за косички и не развязывал банты.

На перемене девчонка обернулась, скользнула взглядом синих глаз по Руслану так мимолетно и равнодушно, что он даже не смог как следует рассмотреть ее лицо. Она выбежала во двор школы и, схватив какую-то подружку за руки, закружилась с нею. Гранитная крошка под их сандаликами зашуршала. Откинув голову назад, девочка самозабвенно смеялась, подол платица развеялся и открывал желтые, цыплячьего цвета штанишки.

На следующий день девочка, а ее звали Лидой Басаргиной, пришла без парадных бантов, в косички были вплетены неприятные красные ленточки, и он обнаружил, что ее голову окружал ореол из русых волос — словно кто-то старательно заставил волосики не вплетаться в косы, упрямо торчать и курчавиться. Пришлось признаться самому себе, что девочка, похожая на красивую куклу, ему очень нравится, и это стало большим секретом, прежде всего секретом от нее. Напрасно ждал, что кто-то из мальчишек рано или поздно обидит ее и тогда он коршуном налетит на обидчика. Роль верного защитника так и осталась несыгранной.

Поздней осенью его перевели в третий класс, затем в четвертый. Теперь Руслан мог только видеть, как Лиду привозил в школу на черном большом автомобиле молчаливый, как статуя, стриженный под нулевку водитель. В левой руке он нес школьный ранец, раскрашенный видами Парижа, а правой рукой крепко держал ручонку Лиды, словно ее кто-то собирался украсть на школьном дворе или она сама хотела вырваться из лапы охранника и убежать. Нет, она шла покорно, и было видно, что стесняется, оттого что ее привозят и охраняют. К концу занятий перед школьной калиткой останавливался всё тот же большой автомобиль, водитель заходил в здание школы и выводил Лиду.

Через несколько лет черный большой автомобиль будет взорван. В нем погибнет отец Руслана, школьный товарищ отца Лиды. Басаргин пригласит его на свой день рождения, который задумал отмечать в своем загородном поместье. Вместе со старшим Орловым погибнет и молчаливый охранник и водитель Лиды. Мать Руслана получит тяжелые ранения, придет в себя лишь перед смертью, и, поглаживая волосы сына уже холодеющей рукой, прошепчет ему:

— Сынок, ты особенный, звездный мальчик...

Оглушенный горем, он плохо помнил события тех печальных дней, но в память врезалось, как сразу после взрыва он летел вместе с отцом по длинному туннелю к приятному свету, сладкому на вкус и пахнущему ванильным мороженым. Отец молчал, Руслан хотел спросить его, куда они летят, но туннель закончился. Свет был настолько ярким, что Руслан не видел, как отец полетел дальше. И прозвучал недовольный голос:

— А мальчишка здесь зачем? Ему здесь не место, пусть возвращается назад.

Голоса, да еще недовольного, Руслан на самом деле не слышал, но каким-то образом до него дошел смысл якобы сказанного и оформился в слова. И пришел в себя на густом кусту сирени в каком-то палисаднике — туда его забросило взрывом. Оттуда его снимали какие-то люди, а когда опустили на землю, он увидел лежашую на тротуаре окровавленную мать, возле которой хлопотали люди в белых халатах. Изуродованный черный автомобиль тушили пеной пожарные...

Потом Лида, взяв его за руку, повела в свою комнату в загородном коттедже. Рука у нее была теплой и ласковой. Лида пыталась отвлечь его от мыслей о погибшем отце, тяжело раненной матери, а он не запомнил ничего в комнате девочки, разве что знакомый ранец с видами Парижа... Когда их позвали садиться за поминальный стол, Лида неожиданно ткнула губами в его в щеку и сказала:

— Ты хороший... Держись, пожалуйста...

Через месяц поминки повторились — умерла мама. Всех, кто пришел проститься, отец Лиды пригласил в автобус и велел везти в загородную резиденцию, а Руслана посадил в свою новую, опять большую и черную машину. На заднее сиденье, между заплаканной женой, тетей Валей, и Лидой. Тетя Валя с мокрыми от слез глазами приобняла Руслана, а Лида взяла его кисть руки в свою. На кладбище он словно окаменел, маму оплакал в своей опустевшей двухкомнатной квартире накануне, когда понял, что она никогда не придет домой и что теперь он круглый сирота. Потом была страшная бессонная ночь, после нее он как бы обуглился лицом — глядя на него, женщины плакали навзрыд и боялись, как бы с ним ничего не случилось.

В машине Андрей Филиппович, полуобернувшись на переднем сиденье к Руслану, повел разговор о том, каким он видит его будущее.

— Насколько я знаю, у тебя родственников нет, но в детдоме тебе не место. Тебе скоро только десять лет, а ты заканчиваешь одиннадцатый класс школы. Поступишь в университет, тебя из детдома туда возить никто не станет. Поэтому, если не возражаешь, сделаем так. Я предлагаю оформить опекуном родную сестру твоей учительницы Марты Захаровны. Галина Захаровна женщина одинокая и добрая, с высшим образованием. Она будет жить с тобой, заботиться о тебе, вести хозяйство. Я бы с дорогой душой стал бы твоим опекуном, но по закону опекун должен жить с опекаемым...

— Папа, а пусть Руслан будет моим братиком! — воскликнула Лида и добавила: — У меня же нет братика...

— Лида, выслушаем отца! — одернула дочь тетя Валя.

— С Галиной Захаровной я говорил, она согласна. Мы ее оформим как сотрудницу одной из моих фирм, так что она будет получать зарплату. Если ты с нею не поладишь, мы ее заменим. Но надеюсь, что после того, как тебе исполнится четырнадцать лет, мы оформим ее твоим попечителем вплоть до твоего совершеннолетия. Ты согласен с таким планом?

— Да, — выдавил из себя он, а в ушах звенело Лидино восклицание: «Папа, а пусть Руслан будет моим братиком!»

После поминок он ехал домой уже вместе с Галиной Захаровной.

Сегодня в переходе на станцию метро «Площадь Революции», среди густого потока людей, стояла седая женщина и с непонятным исступлением крестила всех высоко поднятым троеперстием. Глаза у нее были неопределенного цвета, но темные, рот полуоткрыт, как у боярыни Морозовой на картине Су-

рикова, иногда бескровные губы шевелились, видимо, женщина произносила слова молитвы. Людской поток шел на нее не останавливаясь, потому что в переходе нельзя останавливаться — мгновенно возникнет пробка, которая может закончиться давкой и жертвами.

«Опомнитесь! — Руслан Орлов прочел крик глаз женщины. — Живите по-христиански, не беснуйтесь, не нарушайте Божьи заповеди! Господи милосердный, спаси и помилуй нас! Оставайтесь людьми, не превращайтесь в зверей! Иначе всех нас ожидает геенна огненная! Не в загробном мире, а на Земле вы готовы устроить геенну огненную ужаснее потусторонней! Господи милосердный, спаси и помилуй нас!»

Никто из идущих в плотном потоке не догадался в ответ осенить крестом несчастную. Руслан присоединился к ее досье в Глобальной информационной системе и узнал, что она была учительницей биологии, увлекалась экологией, ходила на всякие протестные акции, многократно задерживалась милицией и полицией. Ее сочли сумасшедшей, хотя она таковой не являлась, всего два дня тому назад ее выписали из психлечебницы... Конечно, самым нормальным всегда найдется место в психлечебнице... Она будет стоять несколько часов на своем посту, не выдержав напряжения, упадет на твердый бетонный пол перехода без чувств. Появится бригада «скорой помощи», ее приведут в сознание, от госпитализации она откажется, доберется до своей комнаты в коммуналке и не доживет до утра.

В предсмертные часы у многих проявляется ясновидение. Вот и эту несчастную посетило видение геенны огненной — не адской, а земной, не столько огненной, сколько термоядерной. Все на Земле живут с осознанием того, что она возможна. Геенна огненная, а исторически она была возле стен древнего Иерусалима во рву, куда сбрасывали в горящий день и ночь мусор трупы тех, кого не удавалось чести быть похороненными, — по сравнению с термоядерным апокалипсисом не более, чем пионерский или скаутский традиционный костер. Но в информационных кладовых Мирового Разума Руслан не находил подтверждения тому, что он состоит в обозримом будущем. Возможно, сведения о нем были строго засекречены, чтобы не возбуждать пессимизм, а возможно, чтобы земные правители действительно сумели уберечься от самоуничтожения земной цивилизации.

Несчастливая экологиня произвела на него сильное впечатление. Если бы она не умерла нынешней ночью, он попросил бы работников своей лаборатории проанализировать ее предвидения. Не их содержание, а механизм запуска видений будущего. Одним из направлений лаборатории как раз и являлось изу-

чение механизма предвидения. За несколько лет в ней обследовали десятки всевозможных пророков, ясновидящих, экстрасенсов, но так и не получили ответ на то, что происходит с ними, когда они начинают предвидеть будущее. Даже не определили точно, где искать этот механизм — в особенностях генетического строения предсказателей или в их способности подключаться к Глобальной информационной системе Мирового Разума.

Лабораторию Руслана Орлова называли мистической. Задумывалась она в хозяйстве академика Ивана Ивановича Иванова в качестве совершенно секретного подразделения Z-2, которое должно было найти на практике способы решения теории Руслана о возможности разблокировать девять десятых человеческого мозга, снять с него ограничения, наложенные Богом. Создавая человека по образу и подобию своему, Бог существенно окоротил возможности человека, а Руслан усмотрел в этом несправедливость и вознамерился поправить Его. Влился в ряды реформаторов, которые довели созданный Богом мир своими реформами до состояния почти полной невменяемости и нескончаемых кризисов. Но это Руслан стал понимать позже...

Лабораторию Z-2 даже отгородили от остального научного хозяйства Иванова кирпичным забором да еще с колючей проволокой поверху. Как подтрунивали острословы, чтобы оно не заболело инфекционной мистикой. Орловское подразделение пользовалось вниманием прессы, которая следила за каждым его шагом. Журналюги круглосуточно охотились за Русланом — возле проходной, подстерегали у подъезда дома, в котором он жил, по пути на работу и с работы, и ему приходилось использовать парик, накладную бороду и усы, чтобы стать неузнаваемым. За известность надо было расплачиваться многими неудобствами... Таким камуфляжем он лишь рассмешил своего небесного Учителя, который подсказал, что можно обойтись без бороды и парика — по своему желанию он мог изменить внешний вид до неузнаваемости, превратиться в кого угодно, не только в мужчину, но и в женщину. В крайнем случае — в животное, стать оборотнем...

Руслану приходилось чаще, чем другим, анализировать свои поступки и реакции на них окружающих. Он был необычным человеком, имел доступ к информационным возможностям Мирового Разума, к прошлому, и будущему, и к настоящему, которое анализировать труднее всего. Когда он разговаривал с человеком, тот не подозревал о том, что собеседник читает его мысли, знает не только его прошлое, но и будущее. От Руслана никому и ничего невозможного было что-то утаить...

Еще в детском саду он обнаружил, что видит в людях какое-то пятно в груди — светлое, серое,

коричневое, а то и совсем темное. Должно быть, он видел душу человека, и цвет ее точно совпадал с тем, что он собой представлял. Потом с небольшим усилием воли он стал видеть внутренние органы людей — зрелище, прямо скажем, отвратительное, но позволяющее видеть человеческие недуги. Не настраивал себя на созерцание ливера окружающих и видел их обычными людьми, такими, как и все остальные хомо сапиенсы. Руслану казалось, что все люди видят у окружающих цветные пятна в груди и могут видеть внутренние органы. Осознание того, что это не так, пришло позже, после взрыва автомобиля.

Однажды ему приснилось, что он летает над землей. Проснулся, понял, что это сон, но вышел на балкон, настроился лететь и полетел над ночным городом. Знакомые улицы и переулки, пятна света от уличных фонарей сверху выглядели необычно — он носился над ними, увеличивая или ослабляя свое желание. Захотел вернуться назад — и тут же оказался на балконе, даже не поняв, почему так легко удалось вернуться.

Со временем он научился во всем и везде видеть только главное и самое важное. Особенно любил математику, где цифры и символы как бы очищены от постороннего и несущественного, поэтому ему легко давались математические действия, да и выполнение их со скоростью компьютера.

Прокручивая в своей памяти многие события, он всегда открывал в них важные детали, на которые раньше не обращал внимания. Вот и сегодня, чтобы вытеснить из сознания смерть экологини, он, сидя в своем кабинете, закрыл глаза и вспоминал день защиты диссертации.

Это был обычный морозный день конца декабря. Над Москвой, как обычно, висела светло-серая пелена, из которой медленно падал тихий лапчатый снег. Этот день должен был стать началом его взрослой жизни. Как и всем подросткам, ему хотелось поскорее расстаться с юностью.

Уже завтра, полагал он, его жизнь круто изменится. Пойдет работать в отдел своего научного руководителя, вначале, как обещал Константин Степанович Немыкин, эмэнэсом, то есть младшим научным сотрудником, но первая же освободившаяся должность старшего научного сотрудника — будет его. Станет получать заработную плату, куда достойнее аспирантской стипендии и пенсии по утере кормильца. По-настоящему будет взрослым и самостоятельным человеком!

Если бы не Басаргин, который помогал ему после смерти отца, а потом и матери, он вряд ли бы поступил в аспирантуру. К одиннадцати годам окончил среднюю школу, в четырнадцать — университет, причем по программам двух факультетов. И кто бы

взял его, пусть и вундеркинда, на работу в таком возрасте? Разве что разносчиком рекламы по почтовым ящикам. Поэтому разумно было пойти в аспирантуру, написать диссертацию, что он и сделал опять же с опережением, то есть к шестнадцати годам, а к семнадцати защитился.

Андрей Филиппович Басаргин, отец Лиды, под нажимом дочери заказал за свой счет банкет в ресторане, где обычно обмывали защиту аспиранты. Позже Руслан разыскал в мировом информационном массиве видеозапись его разговора с дочерью и узнал, что акт спонсорства произошел не без скрипа.

— У него что, и на банкет денег нет? — нахмурился Андрей Филиппович, и в этот момент его душа посерела.

— Откуда они у него возьмутся, пап? На аспирантской стипендии да пенсии не сэкономишь...

— Но у него же были публикации в журналах...

— Как правило, их публикуют за счет авторов...

А диссертацию Руслана засекретили, он за последние полтора года не опубликовал ни строчки...

Разговор происходил в кабинете отца, во время традиционного утреннего кофе. Отхлебнув любимого напитка, Андрей Филиппович выдержал паузу. Конечно, размышлял он, Руслан круглый сирота, его родителей случайно взорвали в его, Басаргина, автомобиле.

Это произошло дождливым июльским днем. У Басаргина был день рождения, на который он пригласил своих ближайших друзей. В их числе и отца Руслана, за которым послал свой автомобиль.

Видимо, дождь помешал киллеру рассмотреть, что в машине не Басаргин, а другие люди, в том числе и десятилетний ребенок, и он нажал кнопку радиоуправляемой бомбы. Басаргин всегда помнил, что Руслан Орлов-старший поплатился своей жизнью за его спасение, и поэтому постоянно помогал его сыну деньгами, всем, чем мог. Тем более что мать мальчишки, пострадавшая от взрыва, пережила мужа всего на несколько недель.

А мог Басаргин многое. У него была железная деловая хватка, с конкурентами разделялся жестко и даже жестоко, поэтому сколотил приличное состояние и стал одним из олигархов. Руслана Руслановича он считал парнишкой богато одаренным и поэтому не жалел денег на репетиторов, всевозможные курсы и кружки.

Но всему есть предел. Басаргину нравилось, что дочь тянется за юным Русланом, дружит с ним. Но Лида подросла, расцвела, и чувствовалось, что она влюбилась в вундеркинда. Дочь единственная, наследница, и огромным богатством в случае его, Басаргина, смерти станет распоряжаться пусть и гениальный молодой человек, но абсолютно ничего не смыслящий в современном бизнесе.

— Вот что. — Андрей Филиппович, наконец, поставил пустую чашку на блюдце и взглянул пристально на дочь, притихшую в ожидании решения отца. — Свой долг по отношению к Руслану я выполнил. Что ж, оплачу и банкет. Можешь снять со своей карточки сто тысяч рублей. Но это в последний раз...

— Спасибо, папочка. — Лида чмокнула его в щеку и выпорхнула из кабинета. Душа ее в этот момент озарилась светлой радостью.

В самых плохих снах он не мог представить себе столь скромную обстановку на защите своей диссертации. Защита виделась ему торжественной, в переполненном студентами и преподавателями университета конференц-зале, где не оставалось ни единого свободного места. Народ толпился в проходах... В мечтах мелькали вспышки фотоаппаратов, стоял целый лес телевизионных камер и гремел гром аплодисментов в его честь — вундеркинда и индиго, в семнадцать лет защищающего уникальную диссертацию.

На самом деле никаких вспышек и аплодисментов не было. Всё происходило в тесной комнатенке, наверное, какого-то НИИ. Рано утром позвонил Немыкин, руководитель его научной работы, и сказал, что заедет за ним на машине и что на защиту они поедут вместе.

Руслану надо было бы настойчивее возразить, поскольку он обещал Лиде, что заедет за нею, но руководитель был непреклонен. «Так надо», — сказал он и отключил телефон. Лида, конечно, обиделась, что не поехала вместе с ним.

Когда Константин Степанович позвонил снова и сообщил, что он внизу ждет его в машине и Руслан спустился вниз, то транспортное средство оказалось с зашторенными окнами. «Это не катафалк?» — спросил у руководителя, садясь в большую черную машину, которая вызвала у него печальные воспоминания.

— Так надо, — опять сказал Немыкин и всю дорогу молчал.

Поведение научного руководителя настораживало. Его студенты любили, называли дядей Костей — за открытый характер, заботу о них. Он был для студентов старшим товарищем, а тут Немыкин нахохлился, ушел в себя и молчал.

Можно было поинтересоваться у водителя, куда они едут, но его от пассажиров отделяло толстое, наверное бронированное, стекло.

— Мы едем явно не в университет. Константин Степанович, так куда мы едем?

— Так надо, — в который раз безучастно отозвался дядя Костя.

Где-то на окраине Москвы машина остановилась перед глухими железными воротами, зелеными, с

ярко-красными пятиконечными звездами по бокам. Из домика рядом с воротами вышел немолодой милиционер, проверил паспорта, и они въехали в заснеженный парк, в глубине которого виднелись какие-то строения. Водитель остановил машину перед самым крупным из них, должно быть, административным зданием. На входе у них еще раз проверили документы. Дали сопровождающую тетку, которая велела им следовать за нею.

— Не похоже на крематорий. — Руслан позволил себе мрачно пошутить.

— Посмотрим, — с осторожным оптимизмом отозвался руководитель.

Диссертационная комиссия состояла из трех неизвестных дядек, в зале были только два оппонента, тоже незнакомых, и Немыкин, который от волнения взмок и беспрерывно промокал носовым платком пот на лбу. В его речи ничего не было нового — сам материал диссертации был сплошной новизной. Дядьки внимательно выслушали Руслана, разглядывали юношу с неподдельным интересом и, казалось ему, совершенно не вслушивались в его слова. Руслан ждал от них каверзных или глупых вопросов, но они отмолчались. И оппоненты были кратки, не жалели похвальных слов в адрес диссертанта.

Потом один из дядек, тот, что сидел посередине и, должно быть, главный из них, встал и объявил, что диссертационная комиссия считает работу достойной ученой степени доктора наук, и поздравил Руслана с успешной защитой. Последовало несколько крайне жидких, но уважительных аплодисментов.

Главный дядька вышел из-за стола, вручил Руслану клочок бумаги из блокнота с номером телефона и попросил позвонить ему через недельку по поводу грядущего трудоустройства. Вслед за дядькой подошла строгая женщина, с сухими поджатыми губами, и заставила Руслана дать подписку о неразглашении сведений, содержащихся в диссертации, изъяла все экземпляры автореферата и даже его любимый мощный ноутбук. Правда, вместо него она вручила такого же зверя.

Подписку пришлось давать научному руководителю и двум оппонентам — у них строгая секретчица изъяла даже пометки для их выступлений. Руслан шепотом спросил у нее, кем является председатель диссертационной комиссии.

— Он академик, директор нашей организации, Иванов Иван Иванович, — сухо, как робот, ответила секретчица.

Набравшись смелости, Руслан подошел к Ивану Ивановичу.

— Извините, пожалуйста, а могу я вас и ваших коллег пригласить на традиционный банкет?

— Юноша, вы только что дали расписку о неразглашении. Для всех вам не присвоили степень док-

тора наук. К тому же по-отцовски скажу: до докторской диссертации вы выросли, а вот до рюмки водки — категорически нет. Скажите всем своим приятелям, что защиту диссертации перенесли и обмыкать, стало быть, нечего. Жду вашего звонка.

Все надежды оказались беспредметными грезами. Ожидаемый успех обернулся ничем. Отмену банкета и сочувствие знакомых, меньше завидовать будут, можно пережить, но как объяснить сложившуюся ситуацию Лиде?

— Почему защиту перенесли? — спросила она встревоженно. — Диссертация слабая?

— Надеюсь, что нет.

— Ты меня разыгрываешь? Ну, скажи мне, что разыгрываешь! Я по твоему голосу чувствую, что здесь что-то не так.

— Лида, рядом со мной Константин Степанович. Он подтвердит, что защиту перенесли. — Руслан передал мобильный телефон руководителю.

— Лидочка, вам абсолютно ни о чем не стоит беспокоиться. Потребовались дополнительные экспертизы, а подобное — дело обычное. Мой вам совет — не теряйте восхищения вашим Русланом, он очень большой ученый. Верьте ему и верьте в него.

Константин Степанович оказался дамским угодником, раньше за ним таких достоинств Руслан не замечал. Лида успокоилась насчет защиты, но как быть с банкетом, что скажут в ресторане, как сказать приглашенным? А как объяснить всё это отцу?

— Так и скажи, — посоветовал Руслан. — Андрей Филиппович не обрадуется, но ты убеди его, пожалуйста, что ничего плохого не произошло. И уладь дело с рестораном... А я постараюсь дать отбой всем приглашенным.

Но им уже сообщили о переносе защиты.

Новость о переносе защиты диссертации Басаргин встретил с еще большим недоверием, чем Лида. Как так, рассуждал он, парень в учебе показывал уникальные успехи, побеждал на всероссийских и международных олимпиадах, и вдруг без объяснения причин защиту перенесли. Немыкин, его научный руководитель, он же муж Марты Захаровны, которую Басаргин знал как учительницу и своей дочери, по телефону плел какую-то околесицу, не мог толком и совершенно определенно назвать причину.

Басаргин давил на него, намекал на денежное поощрение, но тот, как старинный патефон, у которого на пластинке повредилась звуковая дорожка, твердил свое «так надо» и повторял, что Руслан исключительно талантливый юноша. Таких, как он, рождается, быть может, всего один раз в сто лет. Его имя станет знаменем двадцать первого века... И Марта Захаровна, которая была признательна Басаргину за

многократную помощь их школе, не прояснила ситуацию. Значит, ничего не знала.

Никаких неясностей в жизни Басаргин терпеть не мог — они, как правило, становились причинами неправильных решений, а ошибки приносили убытки и ущерб для престижа. Чтобы продуктивнее думалось, Андрей Филиппович любил прохаживаться по своему огромному служебному кабинету. В нем и мебель была расставлена так, чтобы он мог, заложив руки за спину, «вышагивать», как он говорил, решение. Если он ходил, то никто не смел беспокоить его. Вот и на этот раз он делал круг за кругом, потом остановился возле своего бронзового бюста на мраморном пьедестале и спросил:

— Ну, а ты что скажешь?

Бюст, изображавший Басаргина в момент тяжелых раздумий, выставившего огромный лоб вперед, с глубокими морщинами на нем, глядевший на мир с оценивающим прищуром, мрачно молчал.

Не получив ответа, Басаргин вернулся к столу и вызвал начальника службы безопасности.

Тот, словно стоял в приемной и ждал вызова, сразу же появился в двери. Басаргину не нравилась чрезмерная исполнительность своего безопасника, как он его называл, считал это признаком невдумчивости и вообще поверхностного маломыслия.

— Проходи, проходи, Пал Палыч, и садись, — и указал ему в кресло возле круглого столика на двоих.

Пал Палыч, человек неопределенного возраста и внешней непримечательности, как и положено людям его профессии, полковник ФСБ в отставке, неслышно опустился в кресло и ждал, когда хозяин делает то же самое.

Басаргин прихнулся в кресло напротив и сразу же заговорил:

— Хочу поручить лично тебе дело особой важности. И только тебе, без привлечения твоих кадров. Ты знаешь мое отношение к Руслану Орлову. Мальчишка к семнадцати годам не только окончил университет, но и аспирантуру. У него мозги как компьютер. В этих мозгах информации не меньше, чем в Британской энциклопедии. Любые цифры перемножает, извлекает из них корни в считанные секунды... И написал диссертацию. Говорят, довольно толковую. Но защиту, как объясняют, перенесли. Надо выяснить, почему перенесли, кто перенес, что за этим вообще стоит! Представляешь, дочь заказала банкет по случаю защиты, а тут облом! И я в глазах тех, кому нахваливал мальчишку, оказался в трепачах!.. А дочь равнодушна к нему, так что уж ты расстарайся, пожалуйста, задействуй свои связи, пойдешь на расходы, возьмешь...

— Не беспокойтесь, шеф, соберу полное досье.

— Если что потребуется, обращайся...

Пал Палыч неслышно, как и вошел, удалился. В его возможностях можно не сомневаться, и досье на мальчишку накопает. Но оно в принципе ничего не изменит. Лида без ума от Руслана, ей тоже семнадцать, надо опасаться, как бы в подоле не принесла нечаянного внука. Хотя жена и против, ей не хочется расставаться с дочерью, но у него созрел план отправить ее в Англию, в Кембридж, пусть поучится в колледже, а потом там же поступит в университет.

Он решительно поднялся, нажал на пульте кнопку связи с заведующим юридическим отделом.

— Всё готово к поездке моей дочери на учебу в колледж для девочек в Кембридж?

— Да, есть гарантийное письмо, ее примут в старший класс.

— Проследите, чтобы срочно оплатили учебу. Закажите билеты с таким расчетом, чтобы Лидия попала в колледж сразу после рождественских праздников. С нею поедет Валентина Александровна — ей нужно заказать обратный билет, скажем, на двадцатое января. Две недели, надеюсь, ей хватит...

— Будет сделано, Андрей Филиппович!

Закончив разговор, Басаргин шумно вздохнул. Вечером предстоял тяжкий разговор с супругой, которая считала, что Лиде лучше окончить школу дома, а не отправлять ее в середине учебного года за границу. Сдала бы ЕГЭ, получила аттестат зрелости и поступила в университет. Может получиться ни то, ни сё — и колледж не закончит, и нашу школу упустит.

Сколько раз он говорил жене, что сдавать пресловутое ЕГЭ она придет из Англии, ведь Марта Захаровна не против, а она который год директор школы! Убедившись, что он неумолим, жена расплчется до истерики, и Андрей Филиппович почувствует, как у него поднимается волна неприязни к мальчишке, из-за которого у них столько проблем.

Руслану не нравилось смотреть видеосюжеты, касавшиеся его самого, это было все равно, что подглядывать в замочную скважину, однако сюжеты начинали немедленно демонстрироваться в его воображении, где бы он ни находился, чем бы ни занимался.

Информационной системе Мирового Разума было не до моральных тонкостей человеческой цивилизации, и прекратить невольное соглядатайство Руслан не мог. Поэтому он на немалом расстоянии увидел, как душа у Басаргина побурела. Коричневый цвет — цвет неприязни и даже ненависти.

Руслан находился в том нежном возрасте, когда нравственные и безнравственные поступки имеют большое значение. Он вспомнил небесного Учителя. Может, он способен отключить невольное соглядатайство?

После просмотра таких видеосюжетов чувствуешь себя так, словно порылся в чужих карманах или исследовал чужое белье и испытываешь брезгливость к самому себе.

Или надо привыкать к соглядатайству?

Как же медленно тянулись дни недели, после которой Иванов велел позвонить ему. На звонок ответил мужчина, которого Руслан назвал Иваном Ивановичем. Но это был его помощник, и он рассказал, как лучше к ним добраться.

Во время защиты Иванов возвышался над своими соседями по столу не меньше, чем на целую голову. Теперь же, когда в своем кабинете он шел ему навстречу, Руслан понял, что главный дядька и без подиума на голову всех выше. Пожал руку своей огромной, клешнястой лапой, которая была на удивление холодной. На сухопаром лице появилась приветливая улыбка, глаза Ивана Ивановича, большие и серые, излучали тепло. И от души его, огромной, на всю грудную клетку, шли волны расположения к молодому человеку.

— Приветствую и поздравляю, Руслан Русланович! — Он взял его под руку и усадил за стол для совещаний. — Вчера из ВАКа курьером привезли, — хозяин кабинета набрал код на сейфе, и толстенная дверь открылась. — Прошу...

Иванов протянул ему диплом доктора наук. Руслан немало слышал страшилок о Высшей аттестационной комиссии, о больших сроках рассмотрения диссертаций, а тут несколько дней — и диплом, пахнувший типографской краской, в руках. Конечно, придал ускорение прохождению диссертации в ВАКе Иван Иванович.

— Спасибо, Иван Иванович, — в избытке чувств он вскочил на ноги и втиснул свою руку в директорскую клешню.

— Полюбовались, и хватит. Напишите в этой сопроводительке, что ознакомились с дипломом и обязуетесь сведения о своей ученой степени не разглашать. — Директор положил перед ним листок бумаги, взял у Руслана диплом, вложил в него расписку и закрыл в сейфе.

— А теперь пойдем знакомиться с вашим рабочим местом. Да, я забыл вам сказать, что вы возглавите совершенно новое наше подразделение под кодовым названием Z-2. Если, разумеется, не против. Вы согласны? — спросил Иван Иванович, облачаясь в огромное пальто кофейного цвета.

— У меня есть выбор?

— Практически нет, — честно ответил директор и добавил: — Если, разумеется, продолжите свой путь в науке.

Они шли по пустынному зимнему парку, под ногами сухо поскрипывал снег. Руслан ожидал попасть

в солидный научный корпус, а они подошли к пустующему одноэтажному строению в углу парка. Директор достал из кармана ключ, вставил его в скважину на старой, посеревшей от старости деревянной двери.

Безрадостная картина встретила их внутри. В доме было несколько комнат, и все они были забиты вышедшей из употребления мебелью, какими-то пыльными коробками.

— Впечатляет? — спросил директор. — Не пугайтесь, мы в течение месяца наведем порядок. Сделаем, как его, евроремонт. У вас будет отдельный кабинет, сотрудники будут работать тоже не в тесноте. В ближайшее время для вашего подразделения будет построен новый корпус. Ну, как, по рукам? — и протянул свою клешню.

Руслан покорно сунул свою руку в начальственную длань.

— Пока будет идти ремонт, у меня была мыслишка направить вас в какое-нибудь наше подразделение, чтобы вы составили представление, как мы работаем, — говорил директор на обратном пути. — А потом решил, что вы должны начинать с нуля. Программа работы лаборатории, будем пока считать подразделение таковым, — ваша диссертация. Нужно обдумать план работы, найти сотрудников, а таких специалистов нет, и задача эта труднейшая... — Иванов замолчал, а потом, выдержав паузу, спросил напрямик: — Как вы додумались до теории активизации всего человеческого мозга? Ведь Бог создал человека по образу и подобию своему, но не свою копию, заблокировал девять десятых нашего серого вещества. А вы являетесь к нам и говорите: есть возможность разблокировать и сделать это можно так и так. То есть вы замахнулись на то, чтобы изменить замысел Божий! Это своего рода святотатство, богоборчество, а каковы последствия, если человек станет копией Бога? А предвидеть их придется вашему подразделению... Ведь это будет новая человеческая раса, новая цивилизация, и ее зарождение сейчас, фигурально выражаясь, на кончике вашего пера. Так кто ее поместил на ваше перо? Интуиция, озарение, воля Мирового Разума?

Не мог же он сразу открыться перед Ивановым! Руслан много думал о своих способностях, и ему казалось несправедливым, что люди даже не представляют, на что они все способны, и решил исправить эту несправедливость, не отдавая себе отчета в том, что это то самое святотатство и богоборчество, которое академик вскользь упомянул.

— Захотелось заняться вдруг этой проблемой, вот и всё. Потом пошла теория... — без всякой конкретики ответил он, понимая, что фактически врет.

Не мог же он сказать Иванову, что идея разблокирования человеческого мозга ему приснилась! Яви-

лась во сне покойная матушка и, поглаживая на голове его вихры, наставляла медленно и убедительно:

«Сынок, у тебя блестящее будущее и выдающаяся судьба. Начни работать над диссертацией о том, чтобы человека сделать равным Богу. Ведь Бог создал человека по образу и подобию своему, но не равным себе, а рабом с заблокированным на девять десятых мозгом. Попытайся исправить эту несправедливость. Ты убедишься, что Создатель был прав, но на этом пути обретешь известность и авторитет в научном мире. Не забывай: ты — звездный мальчик...»

Он не понимал, почему мать называет его звездным мальчиком. Что это означает, он также не знал.

Руслан и до этого недоумевал, почему Бог заблокировал, как минимум, девяносто процентов мозга у человека. Это был Создатель или гениальные инженеры высокоразвитой цивилизации, которые лепили из богоподобного существа послушного раба, способного работать на шахтах, добывая в них редкоземельные элементы, особенно золото, для нужд тех, кого ему было велено считать богами? И он с вдохновением и юношеским максимализмом принялся за диссертацию.

Остаток пути директор задумчиво молчал. Из уважения к нему Руслан не стал считать директорские раздумья. Когда они вернулись в его кабинет, он вызвал миловидную женщину, чем-то напоминающую мать Лиды, и велел ей оформить Руслана начальником новой лаборатории Z-2, причем его личное дело должно носить гриф «Совершенно секретно». Женщина ведала кадрами.

— Никаких разговоров в коллективе о лаборатории Z-2 не должно быть, — строгим голосом наказал Иванов. — О ней знает Руслан Русланович, вы, начальник первого отдела, мой зам по режиму и я. По всем вопросам, касающимся этой лаборатории, обращаться ко мне, а в мое отсутствие — к заместителю по режиму. Приказ о назначении Руслана Руслановича я заготовил...

Директор открыл сейф, достал оттуда красную бумажную папочку, открыл ее и, не садясь в кресло, подписал единственный лист, закрыл папку и протянул ее кадровичке.

— И еще. Оформите командировку Руслану Руслановичу в Краснодарский край на месяц. Пока в его блоке будет идти ремонт, он поживет на нашей лыжной базе, в моей квартире. Он там хорошенько обдумает план работы на предстоящий год... И предупредите директора базы, чтобы его принимали как можно лучше... Да, еще одно: финансовые дела новой лаборатории должна вести работница бухгалтерии, через которую идут подобные дела. Вот, пожалуй, пока всё... Жду вас, Руслан Русланович, у себя через месяц. Там, в горах, сейчас такая красота!частливого пути!